

Украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода.

ГЛАВА 1-я.

Ученіе и жизнь¹⁾.

Прошло сто лѣтъ со дня смерти знаменитаго украинскаго философа Григорія Саввича Сковороды († 29 октября 1794)— и только теперь появились въ свѣтъ его сочиненія. Правда, не все то издано, что розыскано мною: кое что пришлось по необходимости отложить въ виду различныхъ обстоятельствъ—но все таки съ рукописей сдѣланы копіи, которыя хранятся въ Харьковскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ. Быть можетъ, окажется возможнымъ издать и ихъ, что было бы, конечно, самое удобное и правильное; но еслибы этого почему либо исполнить не удалось, то и тогда духовное наслѣдіе Григорія Саввича будетъ обезпечено отъ гибели и порчи, а можетъ быть, удастся отыскать и еще что нибудь изъ тѣхъ сочиненій, которыхъ мы не имѣемъ въ рукахъ, но которыми пользовались прежде изслѣдователи. Впрочемъ можно сказать, что новыя находки едва ли способны были бы *измѣнить* наше сужденіе о Г. С. Сковородѣ, какъ писателѣ, такъ какъ оно основано на *всей совокупности* его учено-литературныхъ трудовъ, какъ печатныхъ, такъ и неизданныхъ еще; онѣ могли бы *дополнить* наше сужденіе, но не *измѣнить* его. Въ этомъ отношеніи мы находимся

¹⁾ Настоящая работа является прямымъ продолженіемъ моего изслѣдованія о Сковородѣ, помѣщеннаго въ качествѣ предисловія къ его сочиненіямъ, изданнымъ Харьк. Ист.-Филол. Обществомъ, гдѣ оно занимаетъ первыя 132 страницы.

въ очень благопріятныхъ условіяхъ. Не смотря на то, что о Г. С. Сквородѣ существуетъ весьма значительная литература (подробно очерченная мною въ 1-й главѣ изслѣдованія, напечатаннаго передъ его сочиненіями), новѣйшіе труды—г-жи А. Я. Ефименко, О. А. Зеленогорскаго и мои—впервые пытаются освѣтить ученіе Сквороды по его первоисточникамъ, т. е. сочиненіямъ. И это понятно: только теперь, съ находкою массы его рукописей, мы, можно сказать, открыли Сквороду, какъ писателя, и получили возможность правильной оцѣнки его въ этомъ отношеніи. А оцѣнка ученія и жизни дастъ матеріаль и для сужденія о значеніи его вообще. Мы будемъ основывать свое сужденіе на документальныхъ данныхъ и избѣгать всякихъ рискованныхъ сравненій, памятуя, что *comparaizon p'est pas gaisoz*, и руководствуясь тою осторожностью въ выводахъ, которая столь необходима при оцѣнкѣ всякаго историческаго дѣятеля.

Давно уже дѣлали попытки опредѣлить сущность ученія Сквороды, но давали слишкомъ общіе отвѣты, вытекавшіе изъ случайнаго сходства, а не изъ всей совокупности критически провѣренныхъ матеріаловъ. Называли Сквороду и украинскимъ Сократомъ, и украинскимъ Діогеномъ, Пифагоромъ, Оригеномъ, Лейбницемъ, Ломоносовымъ, Новиковымъ. Но уже самъ Скворода запротестовалъ, если только Хиждеу даетъ вѣрное извѣстіе, противъ этихъ сравненій. „Меня хотятъ мѣрять Ломоносовымъ... будтобы Ломоносовъ есть казенная сажень, которою должно всякаго мѣрять, какъ однимъ локтемъ портной мѣрять и золотую парчу, и шелковую тканку, и полотняную ряднину“. Если Скворода и не писалъ этихъ словъ епископу бѣлорусскому Георгію Конисскому, то онъ *могъ бы* такъ выразиться, потому что былъ человекомъ съ рѣзко очерченною индивидуальностью и самъ прекрасно сознавалъ это. Тоже самое вышло и съ вличкою „мистикъ“. Многіе, до нашихъ дней, привлеивали ему этотъ ярлыкъ, но любопытно, что никто не поставилъ себѣ труда указать, по крайней мѣрѣ, на точки соприкосновенія между нимъ и мистиками. Не дала ключа къ разъясненію ученія этого оригинальнаго мыслителя и новая вличка, которою пытались замѣнить прежня, —раціоналисть *rigesang*. Нельзя сказать, чтобы въ

Сковородѣ не было никакого сходства съ тѣми личностями, съ которыми его сравнивали; наоборотъ, сходство было и даже рѣзко бросалось въ глаза (потому то его и подмѣтили прежде всего); но это было внѣшнее сходство формы, но не содержанія, это же послѣднее оставалось неизвѣстнымъ въ той его цѣлостности и полнотѣ, какую даетъ совокупность учено-литературныхъ трудовъ писателя.

Спрашивается, каково же было міросозерцаніе Сковороды, нашедшее себѣ выраженіе въ его сочиненіяхъ, какія идеи проводилъ онъ въ своихъ трудахъ, чего хотѣлъ, какъ и въ какомъ направленіи дѣйствовалъ?

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на содержаніи каждаго сочиненія Г. С. Сковороды въ отдѣльности (ибо сдѣлано это раньше, во 2-й главѣ нашего введенія къ изданію его сочиненій), а только постараемся представить его міросозерцаніе въ краткомъ, но систематическомъ видѣ.

Обращая вниманіе на темы, которыя разрабатывалъ Сковорода, вникая въ сущность ихъ содержанія, мы замѣчаемъ, что нашъ украинскій философъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и религіознымъ мыслителемъ, т. е. другими словами—*религія была для него философіей и философія религіей*. Нельзя указать у него ни одного сочиненія, которое не было бы проникнуто религіознымъ направленіемъ. Даже такіе труды, которые отличаются преимущественно философскимъ характеромъ (напримѣръ, трактаты о душевномъ мирѣ) въ сущности имѣютъ туже основу и находятся въ тѣснѣйшей логической связи со всѣми остальными. Съ этой точки зрѣнія сочиненія Сковороды, въ общей совокупности своей, отличаются необыкновенною цѣлостью, стройностью и послѣдовательностью: въ нихъ нѣтъ противорѣчій; есть только кажущіяся повторенія, потому что Сковорода иногда въ новыхъ трудахъ развивалъ болѣе подробно то, о чемъ говорили уже въ прежнихъ. Данное имъ опредѣленіе значенія философіи совершенно почти тождественно съ указаннымъ имъ же значеніемъ Библии, какъ источника христіанской религіи; изъ этого видно, что онъ отождествлялъ ихъ другъ съ другомъ. На вопросъ губернатора Щербинина, о чемъ учить Библия—

Сковорода замѣтилъ: „О человѣческомъ сердцѣ; поваренныя книги учатъ, какъ удовольствовать желудокъ, псовыя, какъ звѣрей давить, модныя, какъ наряжаться; Библия учитъ, какъ *благо-родствовать человеческое сердце*“.

На вопросъ одного изъ ученыхъ, что такое философія—Сковорода отвѣтилъ: „главная дѣль жизни человѣческой; глава дѣль человѣческихъ есть духъ его, мысли, сердце. Всякъ имѣеть дѣль въ жизни, но не всякъ занимается главою жизни, иной занимается чревомъ жизни, т. е. всѣ дѣла свои направляетъ, чтобы дать жизнь чреву, иной очамъ, иной ногамъ и другимъ членамъ тѣла, иной же одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вещамъ; философія или любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣль своихъ на тотъ конецъ, чтобы дать жизнь духу нашему, *благо-родство сердцу*, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего. Когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно, то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сіе есть философія¹⁾“. Здѣсь, какъ мы видимъ, философія прямо опредѣляется, какъ познаніе духа въ человѣкѣ, дающее ему душевное спокойствіе, т. е. счастіе. А это познаніе собственнаго духа даетъ человѣку и познаніе Бога, который находится внутри насъ и открывается въ самопознаніи. Такимъ образомъ здѣсь, да и въ другихъ пунктахъ, кои увидимъ далѣе, философія у Сковороды соприкасается или даже, можно сказать, отождествляется съ религіей. Онъ признавалъ одну только философію Духа, а не плоти, такъ же точно, какъ и одну религію духа, но не обрядовъ. Въ иредисловіи къ трактату „о древнемъ мірѣ“ (въ письмѣ къ Ковалинскому) Сковорода изображаетъ смыслъ своей жизни, какъ философа, какъ человѣка, нашедшаго ея центръ—и эта философія оказывается познаніемъ Господа любовью къ Нему, исполненіемъ Его заповѣдей, т. е. христіанской религіей Сковороды. Это было духовное любомудріе, иначе *христіанская философія*, какъ ее называетъ самъ Сковорода. Она какъ нельзя лучше опредѣляется приводимымъ

¹⁾ Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалъемъ. Юбилейное изданіе (1794—1894 г.). Съ портретомъ его, видомъ могилы и снимками почерка. X. 1894, 132, 352 стр. Цѣна 4 р., 1-е отд., стр. 30.

имъ текстомъ: „*блаженъ мужъ иже въ премудрости умретъ и иже въ разумъ своемъ поучается святымъ, размышляя пути ея въ сердце своемъ и въ сокровенныхъ своихъ уразумится*“ (2-е отд. стр. 46). Философствовать, говорить онъ, нужно во Христѣ т. е. Духѣ, а не въ стихіяхъ. Апостоль Павелъ „сіе мудрованіе (на плоти) мертвыхъ сердець называетъ пустою философією; которая бражничаєтъ по стихійной бурдѣ и прешатствуетъ философствовать по Христѣ, котораго Богъ послалъ въ качествѣ Духа въ сердца наши. Такое плотское мудрованіе мѣшаєтъ нашему восхожденію въ высшій первородный міръ и обращаетъ глаза наши долу (2-е отд. стр. 56). Ту же мысль онъ разъясняетъ въ письмѣ къ Тевяшову, которое служить предисловіемъ къ его „Израильскому змію“. Здѣсь онъ доказываетъ, что такимъ любомудріемъ должно заниматься и дворянство, какъ единственное въ то время сословіе (за исключеніемъ, конечно, духовенства), державшее въ своихъ рукахъ дѣло образованія народа. Но будучи религіознымъ мыслителемъ, Сковорода оставался и истиннымъ философомъ, ибо ставилъ цѣлью человѣческой жизни разъясненіе истины. „Изъясняетъ, говоритъ онъ, боговидецъ Платонъ: *нѣтъ сладшае истины*. А намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость и что одна она животворитъ владѣющее тѣломъ сердце наше. Пифагоръ, раскусивъ эмблематъ треугольника и узрѣвъ въ немъ истину, съ веселіемъ вопієтъ: *обрѣтохъ! обрѣтохъ!* Видно, что жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣдывать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ. Сей свѣтъ улаждаетъ и старость Соломонову; а онъ и состарѣваясь каждый день нѣчто вкушаетъ отъ ядомыхъ всѣми, но не истощаемыхъ сладостей, согрѣвающихъ и питающихъ сердечныя мысли, какъ весеннее солнце каждую тварь. И какъ правильная циркуляція крови въ звѣряхъ, а въ травахъ соковъ раждаетъ благосостояніе тѣлу ихъ, такъ истинныя мысли озаряютъ благодушіемъ сердце. И не дивно, что нѣкихъ избранныхъ человѣковъ монументы и записки сею надписью оглавлены: житіе и жизнь имярекъ. Житіе значитъ—родиться, кормиться, расти и умаляться; а жизнь есть плодопри-

ношеніе, прозябшее отъ зерна истины, царствовавшее въ сердцѣ ихъ“ (2-е отд., стр. 252).

Но говоря о религіозномъ характерѣ міросозерцанія Г. С. Сквороды, слѣдуетъ ближайшимъ образомъ опредѣлить его основную, коренную черту. И такую черту отыскать не трудно: она проходитъ красною нитью черезъ всѣ сочиненія Сквороды, составляетъ исходный пунктъ его воззрѣній. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Скворода проводилъ идею о *двухъ началахъ*—*матеріи и формѣ, иначе тлѣнномъ и вѣчномъ, плоти и Богѣ и о господствѣ второго (невидимаго, нематеріальнаго) надъ первымъ (осязаемымъ, временнымъ); только второе должно быть признано субстанціей, первое же является ея постояннымъ атрибутомъ.*

„Весь міръ состоитъ, говоритъ Скворода, изъ двухъ натуръ—одна видимая, другая невидимая. Видимая натура—тварь (въ другихъ мѣстахъ онъ даетъ ей множество другихъ аналогичныхъ названій), а невидимая—Богъ (котораго онъ также иначе называетъ Духъ, истина, умъ и т. п.) Сія невидимая натура или Богъ всю тварь пронизываетъ и содержитъ; вездѣ всегда былъ, есть и будетъ; вездѣ и во всемъ онъ—основаніе, голова; вся же тварь является только тѣнью, пятою, ризою его; ей вѣчность не свойственна: она постоянно измѣняется; это и есть смерть; возставать противъ нея, стоять за тлѣнное—значитъ идти противъ Бога, обижать его. Жизнь, разсуждалъ онъ, подобна вѣнцу: начало и конецъ ея заключаются въ одной и той же точкѣ. Колосья рождаются изъ зерна и снова превращаются въ зерно, духъ исходитъ отъ духа и снова идетъ къ нему. Каждому существу назначено его поприще, чтобы оно могло явить, по образу Вѣчнаго, свои силы, т. е. изліяніе невидимаго во временной видимости, и за тѣмъ снова вступить въ свое начало, т. е. свое ничто. Первый и послѣдній край одно и то же—Богъ. Вся природа Его риза, орудіе: все обветшаетъ, измѣнится; одинъ Онъ пребываетъ во вѣки неизмѣннымъ (1-е отд. стр. 19—20).

Но существуетъ все таки огромная разница между всею остальною тварью и человѣкомъ: этого послѣдняго отличаетъ *свободная воля*. „Всѣ твари суть грубые служебные органы

свойствѣ сихъ верховнаго существа: одинъ человѣкъ есть благороднѣйшее орудіе Его, имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и цѣну, и отчетъ за употребленіе права сего въ себѣ держащее“. На этомъ основано понятіе милосердія: на этомъ держатся всѣ союзы государственныя, общественныя, семейныя и т. п. Такъ излагаетъ взглядъ Сквороды на этотъ предметъ Ковалинскій (1-е отд., стр. 23).

Весь міръ, по ученію Сквороды, состоитъ изъ трехъ міровъ—большого, малаго и символическаго; большой—это природа, космосъ, состоящій въ свою очередь изъ безчисленнаго множества другихъ; малый, иначе микрокосмъ—это человѣкъ; символическій—это Библия. Въ каждомъ изъ нихъ Скворода видитъ два начала—Бога или Вѣчность, и матерію или тлѣнное, временное. Въ великомъ и маломъ мірѣ (т. е. человѣкѣ) вещественный видъ даетъ знать объ угаенной подъ нимъ формѣ или вѣчномъ образѣ; также точно и въ символическомъ мірѣ (т. е. Библии), собраніе тварей составляетъ матерію; но Божье естество, куда ведетъ тварь знаменіемъ своимъ, есть форма. Творческое начало—Богъ или вѣчность. Это руль, двигающій большой корабль. Она—въ немощи сила, въ мелочи—величіе; она начиная кончаетъ и кончая начинается или, по древнему философскому изреченію, *unius interitus est alterius generatio*, (гибель одного есть рожденіе другого). Такимъ образомъ, въ мірѣ собственно два міра—вѣчность и тлѣніе, какъ яблоня и ея тѣнь, видимый и невидимый, живой и мертвый; но между ними та разница, что древо жизни вѣчно стоитъ и пребываетъ, а тѣнь его измѣняется: то уменьшается, то увеличивается, то родится, то умираетъ. Тоже самое и въ человѣкѣ: въ немъ также два начала—ветхое и новое, временное и вѣчное, они совмѣщаются другъ съ другомъ, какъ тѣнь съ деревомъ. Нашъ ветхій міръ, подобно тѣни, непрестанно измѣняется: то рождается, то исчезаетъ, то убываетъ; новый же міръ Господень вѣченъ; но второй отражается въ первомъ: въ немъ можно найти слѣды Божіи; такъ человѣкъ представляетъ изъ себя слабую копію, тѣнь Богочеловѣка—Христа. И мы со смертію не только не уничтожаемся, а наоборотъ измѣняемся изъ смерти въ животъ

вѣчный, изъ тлѣнія въ нетлѣніе. Въ Библии тѣ же два начала: подъ буквальнымъ ея смысломъ скрывается высшій духовный. Она также содержитъ въ себѣ матерію и форму; въ ней таится и является, лежитъ и возстаетъ передъ нами пресвѣтала истина (самъ Богъ); она являетъ свое прекрасное око посреди безчисленнаго множества тварей. Указавши на это двойственное начало, Сковорода убѣждаетъ насъ въ рѣшительномъ преимуществѣ духовнаго надъ тѣлеснымъ, вѣчнаго надъ временнымъ, Бога надъ тварью во всѣхъ трехъ мірахъ—большомъ, маломъ и символическомъ. Во всей природѣ, говоритъ Сковорода, духъ господствуетъ надъ матеріей; „въ природѣ то сильнѣе, что не показнѣе;“ въ примѣръ приводится воздухъ, который невидимъ, однако движетъ моря, топить корабли, ломаетъ деревья, сокрушаетъ горы, всюду проникаетъ, а самъ остается непроницаемымъ. До сихъ поръ, замѣчаетъ Сковорода, мы безплотной невидимости не считали существомъ; теперь же, поборовъ закоренѣлое мнѣніе, мы усвоили *новый взглядъ*, что все видимое есть мечта и пустошь, ничто въ сравненіи съ Вѣчностью. Въ человѣкѣ царитъ надъ тѣломъ духъ или мысль. Сковорода придавалъ огромное значеніе этой человѣческой мысли, съ ея вѣчнымъ движеніемъ; къ ней онъ сводилъ сущность жизни. Вотъ наружное изображеніе этого вѣчнаго движенія человѣческой жизни. „Мысль есть тайная въ тѣлесной нашей машинѣ пружина, глава и начало всего движенія ея. Огонь угасаетъ, рѣка остановится, а невещественная и безстихійная мысль, носящая на себѣ грубую брэнность, какъ ризу мертвую, движенія своего прекратить (хоть она въ тѣлѣ, хоть внѣтѣла) никакъ не сродна ни на одно мгновеніе и продолжаетъ равномошійное своего летанья стремленіе чрезъ неограниченніи вѣчности, милліоны безконечніи. За чѣмъ же она стремится? Ищетъ своей сладости и покою; покой ея не въ томъ, чтобы остановиться и протянуться какъ мертвое тѣло—живой ея натурѣ или породѣ сіе не сродно и чуждо—но противное сему: она, будто во странствіи находясь, ищетъ по мертвымъ стихіямъ своего сродства и, подлыми забавами не угасивъ, но пуще распаливъ свою жажду, тѣмъ стремительнѣе отъ раболѣпной вещественной при-

реды возносятся ко вышней господствующей натурѣ, къ родному своему и безначальному началу, дабы, сіяніемъ его и огнемъ тайнаго зрѣнія очистившись, увольнитись тѣлесной земли и землянаго тѣла. И сіе то есть вніти въ покой Божій.., вылетѣвъ изъ тѣлесныхъ вещества границъ на свободу духа“ (2-е отд., стр. 105). Въ 3-мъ мірѣ Библии—также должно первенствовать духовное начало, Богъ надъ зміемъ, который хочетъ потопить людей потопомъ, т. е. букввальнымъ пониманіемъ ея. Отсюда вытекаетъ двойственный взглядъ Сквороды на Библию: она и Богъ, и змій въ одно и то же время; вслѣдъ за блаженнымъ Августиномъ, онъ повторяетъ, что кто не возвышается до духовнаго пониманія ея, тотъ подвергаетъ себя страшнымъ опасностямъ, вмѣсто пользы получаетъ вредъ. „Коль многихъ, говоритъ онъ, погубило буквальное пониманіе разсказа о Лотовомъ пьянствѣ, о Давидовомъ прелюбодѣянніи и дѣволожствѣ и т. п. Не всякій, подобно Самсону, раздеретъ пасть этого льва и найдетъ тамъ въ горькомъ сладкое, въ жесткомъ нѣжное, въ ядѣ—ядъ, въ смерти—животъ. Двѣ стороны имѣетъ библейское море; на нашемъ берегу все ветхое, пустое, жалкое, на томъ, въ той горней республикѣ, все новое, новая тварь, новое твореніе; тамъ общество любви, любовь въ Богѣ, а Богъ въ обществѣ. Ветхій человѣкъ стоитъ, ходитъ, сидитъ, очи, уши, ноздри имѣетъ, чувствуетъ какъ кумирь, мудрствуетъ какъ идолъ, осязаетъ какъ преисподній кротъ, щупаетъ, какъ безъокій, ласковъ какъ кроводиль, постояненъ какъ море, надежный какъ ледъ, равсыпчивъ какъ прахъ, исчезаетъ какъ сонъ; это—сѣнь, сонъ тлѣнь. Духовный же человѣкъ совсѣмъ иной: безпредѣльно летитъ въ высоту, въ глубину, въ широту; не мѣшаютъ ему ни горы, ни рѣки, ни моря, ни пустыни; провидитъ отдаленное, прозираетъ современное, заглядаетъ въ будущее, шествуетъ по лицу океана; очи его голубины, крылья орла, проворство олене, смѣлость львиная, быстрота соколя, бодрость журавля, вѣрность горлицы, незлобіе агнца. Тутъ опять мы имѣемъ дѣло съ матеріей и духомъ.

Въ какомъ же отношеніи находятся эти два начала другъ къ другу? Оба они существуютъ въ одномъ и одно въ двоихъ

нераздѣльно, но и не слитно, будто яблонь и тѣнь ея, древо живое и мертвое, ложь и истина. Отсюда Скворода выводилъ положеніе о постоянномъ существованіи матеріи во времени и пространствѣ. „Поколь яблонь, потоль съ нею тѣнь ея. Тѣнь значить мѣстечко, яблонею отъ солнца заступаемое. Но дерево вѣчности всегда зеленѣеть. И тѣнь убо ея ни временемъ, ни мѣстомъ есть неограниченна. Міръ сей и всѣ міры, если они безчисленны, есть то тѣнь Божія. Она исчезаетъ изъ виду по части, не стоитъ постоянно и въ различныя формы преобразуется, однако же никогда не отлучаясь отъ своего живаго древа, и давно уже просвѣщенные сказали вѣсть сію: *patetia aeterna*, вещество вѣчно есть, т. е. всѣ мѣста и времена наполнила“. Но говоря о вѣчности матеріи, Скворода не былъ матеріалистомъ ни въ какомъ отношеніи. Совсѣмъ наоборотъ: весь смыслъ его ученія заключается въ самой рѣшительной борьбѣ съ теоріей господства матеріи. Онъ былъ убѣжденнымъ, послѣдовательнымъ, можно даже сказать, крайнимъ, одностороннимъ *спиритуалистомъ*, ибо только за духомъ онъ признавалъ творческую силу. Не смотря на то, что онъ проповѣдовалъ два начала, его нельзя назвать представителемъ теоріи *дуализма*; онъ въ сущности проводилъ *монизмъ*, потому что признавалъ только единую субстанцію—духъ; на матерію же онъ смотрѣлъ, какъ на постоянный ея атрибутъ.

Если бы онъ не былъ монистомъ, то онъ не отводилъ бы матеріи чисто служебнаго значенія, не считалъ бы творческимъ элементомъ одного духа. А онъ именно представлялъ себѣ ихъ взаимное отношеніе въ такомъ видѣ. „Какое, говорилъ онъ, есть первоначальное тварей основаніе? Ничто. Воля вѣчная, возжелавъ облекти совершенства свои въ явленіе видимости, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли вѣчной одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы“. (1-е отд., стр. 19—20). Еще яснѣе развивается мысль о вѣчности и творчествѣ Духа въ слѣдующихъ словахъ самаго Сквороды. „Божественные мистагоги или тайноводители приписываютъ начало единственно точію Богу. Да оно и есть такъ точно, если

осмотрѣться. Начало точное есть то, что прежде себе ничего не имѣло. А какъ вся тварь родится и исчезаетъ, такъ конечно нѣчтось прежде ея было и послѣ ея остается. И такъ, ничто началомъ и концомъ быть не можетъ. Начало и конецъ есть то же, что Богъ или вѣчность. Ничего нѣтъ ни прежде ея, ни послѣ ея. Все въ неограниченныхъ своихъ нѣдрахъ вмѣщаетъ. И не ей что-либо, но она всему началомъ и концомъ. Начало и конецъ есть по мнѣнію ихъ то же. И точно такъ есть, если разсудить. Вѣчность не начинаемое свое и послѣ всего остающееся пространство даже до того простираетъ, чтобъ ей и предварять все на все. Въ ней такъ, какъ въ кольцѣ. Первая и послѣдняя точка есть та же, и гдѣ началось, тамъ и кончилось... Сіе правдивое начало вездѣ живетъ. Посему оно не часть и не состоитъ изъ частей, но цѣлое и твердое, затѣмъ и не разоряемое; съ мѣста на мѣсто не переходящее, но единое, безмѣрное и надежное. А какъ вездѣ, такъ и всегда есть. Все предваряетъ и заключаетъ, само не предваряемое, ни заключаемое“ (2-е отд., стр. 256). И такъ, вѣчность Бога абсолютна; матерію же Скворода называетъ вѣчною въ томъ смыслѣ, что она, будучи создана Имъ, составляетъ постоянный необходимый Его атрибутъ.

Цѣлью человѣческой жизни является внутреннее *самопознаніе* и Богопознаніе; но оба эти процесса сводятся къ одному—Богопознанію. Познать Христа прежде всего можно въ Библии, но не только въ новомъ, а и ветхомъ Завѣтѣ: кто знаетъ Моисея, тотъ знаетъ Христа; мало того, кто хорошо позналъ себя самого, тотъ уже узналъ и Христа; а узнавъ Его, мы и преобразимся въ него, ибо уничтожимъ въ себѣ все мертвенное, тлѣнное. Проникнувъ въ самый центръ своего сердца, мы стираемъ тамъ истиннаго Богочеловѣка. Ко внутреннему самопознанію приводитъ насъ Библия. „Страхъ Божій вводитъ во внутреннюю Библию завѣсу, а Библия, тебе-жъ самого взявъ за руку, вводитъ въ твой же внутренній чертогъ, котораго ты отъ роду не видывалъ“. И такъ Богопознаніе приводитъ насъ къ самопознанію, и наоборотъ, исходя изъ самопознанія человѣкъ приходитъ къ Богопознанію, ибо въ **каждомъ** изъ насъ есть Богъ

„Богъ во плоти и плоть въ Богѣ, но не плоть Богомъ, ниже Богъ плотію“. Богопознаніе необходимо даже для міропознанія: для истиннаго познанія земнаго нужно познаніе вѣчнаго. „Начало премудрости разумѣти Господа“. Такимъ образомъ источники міропознанія, самопознанія и Богопознанія (т. е. тѣхъ трехъ міровъ, о которыхъ говорилъ выше Скворода) сходятся другъ съ другомъ, что и понятно: они имѣютъ общую основу—начало вѣчности.

Говоря о *средствахъ познанія*, которыми пользовался Скворода, необходимо помнить, что онъ старался сочетать разумъ и вѣру. Разумъ долженъ стремиться къ отысканію истины, которая не дана человѣку Богомъ, а постепенно открывается имъ, составляя и высшую цѣль, и вмѣстѣ съ тѣмъ истинное наслажденіе для всякаго человѣка. Скворода высоко ставилъ эту человѣческую мысль, съ ея непрерывнымъ движеніемъ, съ ея вѣчными поисками за птицей-истиной. Объ этой птицѣ-истинѣ онъ сочинилъ такую басню. „Пустынникъ обиталъ въ глубокомъ уединеніи. Онъ каждый день при восхожденіи солнца выходилъ въ пространный вертоградъ. Въ вертоградѣ жила прекрасная и черезъ-чуръ смиренная птица. Онъ любопытно взиралъ на чудныя свойства оной птицы, веселился и тѣмъ нечувствительно проводилъ время. Птица, нарочно близко садясь, куражила ловлю его и казалась 1000 разъ быть въ рукахъ, но не могъ ее никогда поймать. Не тужи о семъ, другъ мой, сказала птица, что поймать не можешь. Ты станешь вѣкъ меня ловить на то, чтобы никогда не уловить, а только забавляться. Когда то приходитъ къ нему другъ его. По привитаніи завелась дружеская бесѣда. Скажи мнѣ, спрашиваетъ гость, чѣмъ ты въ дремучей твоей пустынѣ забавляешься? Я бы въ ней умеръ отъ скуки... Но пустынникъ: скажи, де, ты прежде, что тебе веселитъ въ общежительствѣ? Я бы въ немъ умеръ отъ грусти... Моихъ забавъ три родника, гость отвѣчалъ. 1-е) Оказываю по силѣ домашнимъ моимъ и чужимъ благодѣянія; 2-е) хорошее благосостояніе здравія; 3-е) пріятность дружескаго общежитія. А я, сказалъ пустынникъ, имѣю двѣ забавы: птицу и начало. Я птицу всегда ловлю, но никогда не могу ее поймать. Я имѣю

шелковыхъ тысячу и одинъ фигурныхъ узловъ, ищю въ нихъ начала и никогда развязать не могу. Мнѣ твои забавы, говорить гость, кажутся дѣтскими... Но если онѣ невинны и тебе веселить сродны, я тебѣ прощаю. И оставилъ друга съ забавнымъ его началомъ". (2-е отд., стр. 255—256).

Какое глубокое пониманіе здѣсь истины, доступной человѣческому разуму съ ея *относительнымъ* характеромъ, служащимъ однако постояннымъ источникомъ ея вѣчнаго поступательнаго движенія! Какое глубокое преклоненіе передъ нею, какъ самую высокую цѣлью человѣческой жизни!

Разуму, какъ *средству* познанія, Скворода отводилъ первенствующее мѣсто въ познаніи всѣхъ трехъ міровъ—большого или космоса, малаго или человѣка, символическаго или Библии; въ этой послѣдней разумъ долженъ открыть болѣе глубокій, духовный смыслъ. Но на ряду съ разумомъ Скворода отводилъ видное мѣсто и *вѣрѣ*, ибо только эта послѣдняя могла познавать невидимаго Бога-Духа. Видѣть того Богочеловѣка, котораго мы являемся тѣнью, говорилъ Скворода, можно только вѣрою. „Вѣра есть око прозорливое, сердце чистое, уста отверстая. Она едина видитъ свѣтъ, во тьмѣ стихійной свѣтащійся. Видитъ, любитъ и благовѣститъ его... Вѣра всю сію мимо текущую сѣнь, аки воду непостоянную, преходитъ“ (2-е отд., стр. 55). Тамъ, гдѣ кончаются предѣлы разума, должна начаться вѣра: „если чего не понимаешь (въ Библии), говоритъ Скворода, закричи съ Варухомъ— какъ великъ домъ Божій! (рук. Израильскаго змія)“. „Чего достигнуть не можемъ, говоритъ Скворода въ другомъ мѣстѣ, не испытуймо. Понудитъ себе должно и дать мѣсто въ сердцѣ на томъ помянутому Божію слову. Если его благодать повѣсть на насъ, тогда все намъ простымъ и простымъ покажется. Часто мелочей не разумѣемъ самыхъ мелкихъ. А человѣкъ есть маленькій мірокъ и такъ трудно силу его узнать, какъ тяжело во всемірной машинѣ начало сыскать. Затвердѣлое наше нечувствіе и заобыкльнй вкусъ причиною есть нашей бѣдности. Раскладывая предъ слѣпцомъ все, что хочешь, но все тое для него пустое. Онъ ощущать можетъ, а безъ прикосновенія ничего не понимаетъ“.

(2-е отд., стр. 19—20). Эта же вѣра является необходимой спутницей любви, которая лежитъ въ основаніи всей христіанской нравственности. Грубое тѣлесное разсужденіе служитъ препятствіемъ для этой любви, а вѣра позволяетъ ему прозирать въ это блаженство вѣчности, какъ будто въ зрительную трубку. На помощь ей приходитъ также и надежда, которая удерживаетъ сердце человѣка при этой его мысли.

Спрашивается послѣ этого, можно ли Сквороду назвать рационалистомъ *pure sang*?

Такова сущность умозрительной философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ религіи Сквороды. Изъ нея логически, послѣдовательно Скворода выводитъ и свою практическую философію, и свою этику—именно *ученіе о счастіи*.

Доказавъ, что верховное начало во всемъ мірѣ или, правильнѣе, во всѣхъ мірахъ, есть Вѣчность (т. е. Богъ), Скворода выводитъ отсюда, что и счастіе свое *всѣ* мы должны основать на этомъ началѣ, какъ на единственно прочномъ, ибо все остальное, на чемъ обыкновенно стараются обосновать свое благополучіе (богатство, чины, знатность, здоровье и т. п.), непрочное, неустойчивое и невсеобщее. *Счастіе нужно для всѣхъ и его не трудно достигчь*—вотъ формула Сквороды, въ которой онъ развиваетъ положеніе Эпикура: благодареніе блаженной натурѣ, что нужное сдѣлала не труднымъ, а трудное не нужнымъ. Эту мысль онъ доказываетъ въ нѣсколькихъ трактатахъ и даже литературныхъ произведеніяхъ. Нельзя создать счастія на тлѣнномъ, временномъ, непостоянномъ; одинъ хотѣлъ возгнѣздиться на капиталѣ и подъ старость сокрушился, другой—на плотоугодіи, третій на здоровьѣ, но и тутъ ждетъ крушеніе. „Одинъ, напримѣръ, беспокоится тѣмъ, что не въ знатномъ домѣ, не съ пригожимъ родился лицомъ и не нѣжно воспитанъ; другой тужить, что хотя идетъ путемъ невивнаго житія, однакъ многіе, какъ знатные, такъ и подлые ненавидятъ его и хулятъ, называя отчаяннымъ, негоднымъ, лицомъромъ; третій кручинится, что не получилъ званія или мѣста, которое могло-бъ ему поставить столъ, изъ десятка блюдь состоящій, а теперь только что по шести блюдь изволитъ кушать; четвертый мучится, ка-

вѣмъ бы образомъ не лишиться правда что мучительнаго, но при томъ и прибылаго званія, дабы въ праздности не умереть отъ скуки, не разсуждая, что нѣтъ полезнѣе и важнѣе, какъ богомудро управлять не внѣшнею домашнею, а внутреннею душевною экономіей, т. е. узнать себя и сдѣлать порядоки въ сердцѣ своемъ; пятый терзается, что, чувствуя въ себѣ способность къ услугѣ обществу, не можетъ за множествомъ кандидатовъ прорваться къ принятію должности, будто одни чиновные имѣютъ случай быть добродѣтельными и будто услуга разнится отъ добраго дѣла, а доброе дѣло отъ добродѣтели; шестой тревожится, что начала проявляться въ его волосахъ сѣдина, что приближается часъ отъ часу съ ужасною армією немилосерная старость, что съ другимъ корпусомъ за нею слѣдуетъ непобѣдимая смерть, что начинаетъ ослабѣвать все тѣло, притупляются глаза и зубы, не въ силахъ уже танцовать, не столько много и вкусно пить, ѣсть и пр. (2-е отд., стр. 106—107).

Истинное счастье можетъ только дать мудрость въ союзѣ съ добродѣтелью: первая скажетъ, въ чемъ оно состоитъ, а вторая поможетъ человѣку достичь его. Его не слѣдуетъ искать по сторонамъ, ибо оно внутри насъ; вникнувъ въ себя, познавъ себя, мы найдемъ въ себѣ царствіе Божіе, т. е. душевное спокойствіе, сердечное веселіе. Достигать его можно только постепенно, шествуя путемъ этого душевнаго мира. А для этого нужно слить свою волю съ волей Божіей. Что тогда, спрашиваетъ Сковорода, можетъ потревожить сердце?

Все дѣлается премудро по волѣ Божіей, но я съ нею согласенъ,—и она уже моя воля. Чѣмъ больше согласія съ Богомъ, тѣмъ больше душевнаго мира, тѣмъ больше счастья. *Отдаться въ волю Божію* значитъ жить по природѣ, вѣрно подмѣтить свои склонности и способности и сообразно съ этимъ выбрать себѣ занятіе. Въ такомъ случаѣ это занятіе будетъ плодотворно и явится источникомъ душевнаго удовольствія, ибо всякій трудъ, исполняемый по влеченію, по склонности, пріятенъ. Природныя же склонности даетъ каждому изъ насъ Богъ: *царствіе Божіе внутри насъ есть*; къ этому то внутреннему голосу и нужно прислушиваться при выборѣ себѣ занятія и

не приниматься за такое дѣло, въ какому неспособенъ. Всѣ занятія и состоянія въ обществѣ хороши, если только берутся за нихъ по сродности. Богъ никого не обижаетъ и не обдѣляетъ, вливая въ каждого его сродность—призывая одного къ одному, другаго къ другому, сотаго къ сотому званію, и хотя бы оно было низкое, но если ему сродное, то уже и пріятное. Скворода картинно изображаетъ это въ слѣдующихъ словахъ: „Богъ богатому подобенъ фонтану, наполняющему различные сосуды, по ихъ вмѣстности. Надъ фонтаномъ надпись: *неравное всѣмъ равенство*. Льются изъ разныхъ трубокъ разные токи въ разные сосуды, вокругъ фонтана стоящіе. Меньшій сосудъ меньше имѣетъ, но въ томъ равенъ есть большому, что равно есть полный“. (2-е отд., стр. 133—134). Какое глубокое пониманіе возможнаго на землѣ счастья, основаннаго на внутреннемъ душевномъ равновѣсіи и разумномъ, правильномъ примѣненіи своихъ способностей, которыя никогда не могутъ быть у всѣхъ одинаковы! Такимъ образомъ, Скворода не вооружается ни противъ какого состоянія, класса, занятія общественнаго (въ чемъ его обвиняли нѣкоторые изъ враждебно къ нему настроенныхъ современниковъ): всѣ ихъ онъ признаетъ нужными, полезными; лишь бы только каждый выбиралъ себѣ должность и состояніе по призванію. Чрезвычайно картинно Скворода изображаетъ душевную тоску, являющуюся результатомъ недовольства избраннымъ дѣломъ. „Если отнять отъ нея (души) сродное дѣйствіе, тогда то ей смертная мука. Грустить и мятется будто пчела, запертая въ горницѣ, а солнечный, свѣтлѣйшій лучъ, окошка окружающій, зоветъ ее на цвѣтоносные луга. Сія мука лишаетъ душу здравія, разумѣя мира, отнимаетъ куражъ и приводитъ въ расслабленіе. Тогда она ничѣмъ недовольна. Мерзнуть и состояніемъ, и селеніемъ, гдѣ находится. Гнусны кажутся сосѣди, не вкусны забавы, постылые разговоры, непріятны горничныя стѣны, не милы всѣ домашніе, ночь скучна, а день досадный, лѣтомъ зиму, а зимою хвалить лѣто, нравятся прошедшія Авраамскія вѣка или Сатурновы, хотѣлось бы возвратиться изъ старости въ младость, изъ младости въ отрочество, изъ отрочества въ мужество, хулить народъ свой и своя страны

обычай, порочить натуру, ропщеть на Бога и сама на себя гнѣвается; тое одно сладкое, что невозможное; вождельнное, что минувшее; завидное, что отдаленное; тамъ только хорошо, гдѣ ея и когда ея нѣтъ. Больному всякая пища горька, услуга противна, а постель жестка. Жить не можетъ и умереть не хочетъ. Невидѣнь воздухъ, пѣнящій море, не видна и скука, волнующая душу; невидна—и мучить, мучить—и невидна. Она есть духъ мучительный, мысль нечистая, буря лютая. Ломлетъ все и возмущаетъ, летаетъ и садится на позлащенныхъ крышахъ, проникаетъ сквозь свѣтлыя чертоги, присѣдитъ престоломъ сильныхъ, нападаетъ на воинскіе станы, достаетъ въ корабляхъ, находитъ въ Канарскихъ островахъ, внѣдряется въ глубокую пустыню, гнѣздится въ душевной точкѣ“. (2-е отд. стр. 129—130).

Проповѣдуя душевное спокойствіе, Сковорода естественно вооружается противъ сильныхъ эффе́ктовъ, которые онъ отождествляетъ съ грѣхами. Въ человѣкѣ постоянно происходитъ борьба этихъ двухъ началъ—и Сковорода аллегорически изображаетъ ее въ своемъ произведеніи „*Борьба архистратига Михаила съ сатаною*“; подъ видомъ злыхъ духовъ здѣсь являются злыя, т. е. плотскія мысли въ человѣкѣ; подъ видомъ ангеловъ— доброе сердце и мысли; когда чистое сердце одолеваетъ злую бездну, тогда открывается человѣку путь на гору Господню. Мы сами себѣ устраиваемъ адъ и рай: адское царство внутри насъ бываетъ тогда, когда мы не сознаемъ, какъ необходимо и нетрудно для насъ Царство Божіе; но стоитъ человѣку освободиться отъ суетныхъ заботъ, и въ его сердцѣ воцаряется рай. Путь Царствія Божія признаютъ труднымъ только нечестивые, потому что они сами несутъ на своихъ раменахъ эти трудности; они не видятъ, что онъ легокъ и подобно слѣпымъ и хромымъ спотыкаются на гладкой дорогѣ. Кто же виноватъ въ этомъ? Конечно, они сами, потому что Богъ далъ человѣку свободную волю для выбора того или другого пути, но они выбираютъ трудный мірской путь вмѣсто легкаго и нужнаго Божія. Изъ своей мысли о самопознаніи и о врожденности природныхъ способностей Сковорода выводитъ и *теорію воспитанія* (кото-

рая развита въ притчѣ о благодарномъ Еродіѣ). Основная мысль Сквороды заключается въ томъ, что въ сердцѣ ребенка таится нѣчто дивное и прекрасное, и оно можетъ предохранить его впоследствии отъ увлеченія суетнымъ міромъ. Посѣй въ немъ такое зерно, и оно дастъ плодъ въ свое время. „Вы же съ благоговѣніемъ ждите, яко рабы чающіе Господа своего“... Узнавъ сіе домашнее благо и плѣнився прекрасною добротою его, дѣти современемъ не стануть безобразно и бѣсновато гоняться за мірскою суетою и во всѣхъ неудачахъ будутъ утѣшаться пѣсенькою царя Давида: „*возвратися душа моя въ покой твой*“. Давъ такое сердце своимъ птенцамъ, отецъ будетъ для нихъ истиннымъ воспитателемъ. Такимъ образомъ, и здѣсь Скворода выступаетъ на защиту того *внутренняго* начала, которое онъ ставитъ „во главу угла и которое господствуетъ въ мірѣ и должно господствовать въ человѣкѣ“. Только такое воспитаніе способно доставить душевный миръ, т. е. единственное прочное, счастье. Но и здѣсь Скворода сумѣлъ избѣжать односторонности—онъ соединяетъ науку съ этикой, отводитъ каждому изъ этихъ двухъ элементовъ подобающее мѣсто; мало того: онъ указываетъ и на третій и четвертый элементъ воспитанія, физическое и эстетическое развитіе. Ребенокъ долженъ уже родиться въ здоровой нравственной атмосферѣ, говоритъ онъ; затѣмъ такого рожденнаго на добро не трудно будетъ научить наукамъ и нравственности; тутъ главное дѣло сдѣлаетъ природа; наука сама собою сплѣтеть отъ природныхъ дарованій; природа это единая и истинная наставница. Не мѣшай ей, а только очищай дорогу; не учи яблони родить—уже сама природа ее научила; огради только ее отъ свиней, отрѣжь волчцы, очисти гусень; учитель—это служитель природы; учиться нужно тому, къ чему влекутъ способности; это дастъ сердечное спокойствіе и довольство своимъ положеніемъ, какъ бы низко оно ни было, ибо въ сердцѣ cadaго человѣка въ этой убогой хижинѣ, подъ этою убогою одеждою (тѣломъ)—можно найти Царя своего, домъ свой, начало вѣчности. Эта проповѣдь объ уваженіи ко всякому званію и состоянію общественному стояла въ полномъ соотвѣтствіи съ его *демократизмомъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ шла въ разрѣзъ съ

господствовавшими тогда взглядами на привилегированное положеніе дворянства, которое и воспитываться должно было не такъ, какъ другія сословія. Сковорода же былъ противъ всякой сословной исключительности въ дѣлѣ воспитанія.

Сковорода направлялъ современное ему общество на духовную сторону христіанской религіи и въ соотвѣтствіи съ этимъ сильно вооружался противъ тѣхъ, кто понималъ эту послѣднюю только внѣшнимъ образомъ, основывался не на духъ, а на буквы, формъ, обрядѣ. Онъ очень рѣзко возставалъ противъ буквального толкованія Библии, какъ источника христіанства, и его замѣчанія напоминаютъ выводы французской отрицательной философіи XVIII в. Но между этими скептиками французами и Сковородой цѣлая пропасть. Отрицаніе, иронія и сарказмъ Сковороды являлись результатомъ глубокаго увлеченія *духомъ* священнаго Писанія, его отрицаніе приводило, такимъ образомъ, къ духотворенію. Для него Библия—это болѣе даже чѣмъ священная книга, это основная, можно сказать, *единственная* книга познанія, это самъ Богъ, говорящій здѣсь къ людямъ образнымъ языкомъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что и здѣсь Сковорода не впалъ въ односторонность; ставя такъ высоко духовную науку, онъ не только не возстаетъ противъ свѣтскихъ книгъ, а наоборотъ отдаетъ имъ должное. „Я наукъ не хую, говоритъ онъ, и самое послѣднее ремесло хвалю; одно то хулы достойно, что на ихъ надѣясь пренебрегаемъ верховнѣйшую науку о царствіи Божіемъ внутри насъ“. „Свѣтскія книги, говоритъ Сковорода въ другомъ мѣстѣ, безспорно всякой пользы и красоты суть преисполненныя. Но если бы онѣ спросили Библию; для чего сами предъ нею и десятой доли чести и цѣны не имѣютъ, для чего ей созидаются олтари и храмы,—и сама не знаю, отвѣчала бы она. Я состою изъ тѣхъ же словъ и рѣчей, что и вы, да и гораздо съ худшихъ и варварскихъ. Но въ некрасивыхъ водахъ моей рѣчи, какъ въ зеркалѣ, боголѣино сіяетъ невидимое, но пресвѣтлѣйшее око Божіе, безъ котораго вся ваша польза пуста, а краса мертва“ (2-е отд., стр. 164). Сковорода выступалъ на защиту Библии противъ идолопоклонническихъ мудрецовъ, которые думали, что она говоритъ о мертвенной стихіи, не помы-

шляя о томъ, что во тлѣнныхъ ея образахъ сокрывается животъ вѣчный. И это превосходство Библии надъ всѣми другими книгами совершенно понятно, съ точки зрѣнія Сковороды: Библия насъ ничему другому не учитъ кромѣ Богопознанія, но это значитъ, что она учитъ главнѣйшему, безъ чего не можетъ обойтись никто. Отсюда ея универсальный характеръ; она необходима всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности. Отсюда естественно вытекала мысль Сковороды, что каждый долженъ быть въ этомъ смыслѣ богословомъ. Богословскую науку онъ считалъ нужною для всѣхъ. А я вспомнилъ, говорить одинъ изъ собесѣдниковъ въ его трактатѣ „Алфавитъ мира“, тѣхъ совопросниковъ вѣка сего: богословская наука къ чему она? Я де не священникъ и не монахъ“. Будто душевное спасеніе не всѣмъ нужное и будто спасеніе и спокойствіе сердечное не одно и то же. Богословская наука выше всѣхъ свѣтскихъ наукъ. „Медицина, говорилъ Сковорода, врачуетъ тѣло; юриспруденція страхомъ приводитъ каждаго къ должности, а богословіе дѣлаетъ изъ рабовъ сынами и друзьями Божиими, вливая въ сердце охоту къ тому, къ чему гражданскіе законы силою волокутъ“. Чѣмъ больше такихъ богослововъ въ государствѣ, тѣмъ оно счастливѣе, и не напрасно пословица гласитъ: доброе братство лучше богатства (2-е отд., стр. 173). Сковорода хотѣлъ осуществленія чисто христіанскаго государства и общества. Богъ, говорилъ онъ, даетъ народамъ науки и искусства; разлившись по всему корпусу политическаго организма, онъ дѣлаетъ его прочнымъ, мирнымъ и благополучнымъ; государство, будучи основано на немъ, бываетъ домомъ Божиимъ; отдѣльный человѣкъ, основавъ на немъ свою жизнь, дѣлается благочестивымъ. Но все это относится только къ истинной богословіи и истиннымъ богословамъ, т. е. стремившимся познать Духъ. Идеаломъ для нихъ долженъ служить самъ Величайшій богословъ Христосъ. Измученный дорогой, сидитъ онъ при источникѣ, томимый голодомъ и жаждою. Было около полудня. Не было съ кѣмъ завести ему бесѣду о царствіи Божіемъ. Пришла жена за водою—вотъ и случай. Попросилъ у нея напитаться не для утоленія жажды, а для того, чтобы начать бесѣду. Вода стихійная подала ему поводъ гово-

рять о водѣ живой. Не устыдился, не поопасался мужъ Божій со слабымъ поломъ богословствовать, въ надеждѣ, что авось либо проведетъ ее изъ суевѣрія въ истинное богочтеніе, которое не привязано ни къ полу, ни къ состоянію, ни къ мѣсту ни времени, ни къ обрядамъ, а только къ одному сердцу. Возвратились ученики Его съ пищею и, зная, что онъ ничего еще не ѣлъ, просятъ покушать. Моя пища, сказалъ имъ учитель, да сотворю волю пославшаго мя. И голоденъ, и жаждетъ, и не веселъ, если не дѣлаетъ и не говоритъ о томъ, къ чему Его предназначилъ Отець небесный. Въ этомъ Его и пища, и питіе, и веселіе. Учитъ въ сонмищахъ, учитъ въ домахъ, учитъ на улицахъ, учитъ въ кораблѣ, учитъ на травѣ зеленой, на горахъ и вертоградахъ, на ровномъ мѣстѣ, стоя, сидя и ходя, ночью и днемъ, въ городахъ и селахъ. Въ несродное себѣ дѣло не мѣшается. Кто мя постави судію или дѣлителя? Мое дѣло учить о царствіи Божіи, отвѣчаетъ онъ одному лицу, обратившемуся къ нему за разрѣшеніемъ вопроса о наслѣдствѣ. (2-е отд., стр. 140).

Нисколько не отрицая значенія обрядности, онъ только старается показать, что самъ по себѣ обрядъ, или какъ онъ называется церемонія, безъ тайнаго смысла, въ него вложеннаго, безъ глубокой вѣры, недостаточенъ. Вся сила 10 заповѣдей говоритъ онъ, состоитъ въ одномъ словѣ—любовь; на ней основанъ вѣчный союзъ между Богомъ и людьми; она тотъ невидимый огонь, которымъ сердце воспламеняется къ Богу и его волѣ, а посему и самъ Богъ называется любовью. Но эта Божественная любовь (т. е. Богъ) имѣетъ внѣшніе признаки; они то называются церемоніями или образами, формами благочестія. И такъ, церемонія по отношенію къ благочестію есть то, что на зернахъ шелуха. Если же сія маска лишена силы (т. е. благочестія), то остается одна лицемѣрная обманчивость, а человѣкъ—гробомъ раскрашеннымъ; обрядъ можетъ выполнять самый несчастный бездѣльникъ. Существуетъ глубокая разница между обрядомъ и его смысломъ, церемонія является только тропинкою, могущею привести къ Богу, но болѣе всего нужна милость и любовь. На что намъ, говоритъ Сковорода въ другомъ мѣстѣ, мѣстоположенія тлѣннаго рая? На что намъ родословія историчная?

Какую пользу принесетъ душѣ изслѣдованіе о формѣ и мѣрѣ Кочега? Къ чему исцѣленіе и воскресеніе плотское, если чело-вѣкъ снова умираетъ? Возставая противъ бездушнѣйшнхъ внѣшности, Сковорода вооружался и противъ тѣхъ (а такихъ было не мало), которые думали, что одно монашеское одѣяніе даетъ спасеніе чело-вѣку. Извѣстны его рѣзкія выраженія противъ современна-го ему монашества. Когда другъ Гервасій уговаривалъ его при-нять монашество, указывая на славу, честь и изобиліе всего, его ожидающія, онъ возревновалъ объ истинѣ и сказалъ: „раз-вѣ вы хотите, чтобы и я умножилъ число Фарисеевъ? Ъшьте жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте! А Сковорода полагаетъ монашество въ жизни нестяжательной, ма-лодовольствѣ, воздержности, въ лишеніи всего ненужнаго, дабы приобрѣсть всенужнѣйшее, въ отверженіи всѣхъ прихотей, дабы сохранить себя самого въ цѣлости, въ обузданіи самолюбія, да-бы удобнѣе выполнить заповѣдь любви къ ближнему, въ исканіи славы Божіей, а не славы чело-вѣческой“. (См. еще примѣръ, въ 1-мъ отд. (на 21 стр.). Такъ это рассказываетъ Ковалинскій. Но и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Сковорода не былъ от-рицателемъ: онъ возставалъ противъ монашества не въ его идеѣ, а только въ практическомъ осуществленіи, въ тѣхъ проявлені-яхъ, какія онъ видѣлъ въ современной ему дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно одно его письмо къ Ковалинскому (1-е отд., стр. 45). Въ немъ онъ выражаетъ свое глубокое уваженіе къ истинному монашеству и разъясняетъ свою мысль Ковалинскому, приводя цитаты изъ книги о мона-шествѣ Эвагрія, которую онъ въ то время читалъ. Народъ христіанскій дурно понимаетъ монашество, говоритъ онъ. Гла-вою ученыхъ богослововъ былъ Христосъ; высшимъ же мона-хомъ ученикъ христовъ, который старается быть во всемъ по-добенъ своему учителю. Ты скажешь, что апостоль выше мо-наха. Сознаюсь, но вѣдь и апостоль дѣлается изъ монаха, ко-торый пока собою управляетъ, до тѣхъ поръ онъ монахъ, а если направляетъ также и другихъ на правильный путь, то дѣ-лается апостоломъ. Христосъ пока былъ въ пустыни, былъ мо-нахомъ, т. е. совершенно невещественнымъ. Такъ устанавли-

ваетъ Скворода связь и вмѣстѣ съ тѣмъ разницу между отшельникомъ и проповѣдникомъ. Естественно, что, ставя такъ высоко монашеское званіе, предъявляя къ нему такіа огромныя требованія, Скворода сильно вооружался противъ тѣхъ, которые только надѣвали на себя монашеское платье, не отставъ отъ земного. „Хочешь ли быть Павломъ Оивейскимъ, Антоніемъ Египетскимъ или Саввою освященнымъ? Лицемѣре! Къ чему жъ тебѣ финикова епанча Павлова! Къ чему Антоніевска борода, а Савинъ монастырь, капишонъ Пахоміевъ? Сей есть одинъ только монашескій маскарадъ. Какая же польза сею маскою сокрывать тебѣ смиренное твое сердце?.. Бѣгай молвы, объемли уединеніе, люби нищету цѣлуй цѣломудренность, дружись съ терпѣніемъ, водворися со смиреніемъ, ревнуй по Господѣ Вседержителѣ. Вотъ тебѣ лучи божественнаго сердца этихъ монаховъ-отшельниковъ (2-е отд. стр. 76). Не менѣе сильно, рѣзко вооружается Скворода и вообще противъ ханжей и лицемѣровъ. Вотъ картинное сатирическое изображеніе этихъ послѣднихъ. „Пятерица человекъ бредутъ въ преобширныхъ епанчахъ на пять локтей по пути влекущихся. На головахъ капишоны. Въ рукахъ не жезлы, а дреколіе. На шею каждому по колоколу съ веревкою. Сумами, иконами, книгами обвѣшанны. Едва, едва движутся, аки быки, парохіальный колоколь везущи. Вотъ развѣ прямо труждающіися и обремененныи. Горе имъ, горе! Сіи суть лицемѣры, сказалъ Рафаилъ. Мартышки истинныя святости. Они долго молятся въ костелахъ, непрестанно во псалтирь барабанятъ. Строятъ козни и снабдѣвають. Бродятъ поклонниками по Іерусалимамъ. По лицу святы, по сердцу всѣхъ беззаконнѣе. Сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбцы, ласкатели, сводники, немилосерды, непримирительны, радующіися зломъ сосѣднимъ, полагающіи въ прибыляхъ благочестіе, цѣлющіи всякій день заповѣди Господни и за алтынъ оныя продающіи, домашніи звѣри и внутренніи зміи, лютѣйшіи тигровъ, крокодиловъ и василисковъ. Сіи нетопыри между деснымъ и шуимъ путемъ суть ни мужскаго, ни женскаго рода. Обоимъ враги, хромы на обѣ ноги, ни теплы, ни студены, ни звѣрь, ни птица. Шуій путь ихъ чуждается, яко имущихъ образъ благочестія,

десный же отвергаетъ, яко силы ихъ отвергшихся. Въ сумахъ ихъ песокъ Іорданской съ деньгами. Обвѣщенные же книги ихъ суть типики, псалтыри, прологи и прочая. Вся ихъ молитва въ томъ, чтобъ роптать на Бога и просить тлѣнностей. Вотъ останавливаются молящися и пѣть начинаютъ. Послушаемъ безбожныя ихъ пѣсни Божія.

Боже, возстань, что спиши?
 Почто насъ не радиши?
 Се путь беззаконныхъ цвѣтеть!
 На путехъ ихъ бѣдностей пѣть.
 Мы жъ Тебѣ свѣчница ставимъ,
 Всякій день молебны правимъ,
 И забылъ ты всѣхъ насъ!
 Два раза постимъ въ недѣлю,
 Въ постъ не ужинаемъ хмѣлю,
 Странствуемъ по святымъ градамъ,
 Молимся и дома, и тамъ,
 Хоть псалтыри не внимаемъ,
 Но наизусть ее янаемъ.
 И забылъ ты всѣхъ насъ!
 Услыши, Боже, вопль и рыкъ!
 Дажь намъ богатство всѣхъ языкъ!
 Тогда то Тебе прославимъ,
 Златны свѣчи поставимъ,
 И всѣ храмы позлащенны
 Возшумлять Твоихъ шумъ пѣній—
 Тоемо даждь намъ вѣкъ златъ!

(2-е отд., стр. 205—206).

Таково въ общихъ чертахъ міровоззрѣніе Сквороды: въ немъ стройно сочетались взгляды на міръ, человѣка и Бога. Черезъ все проходитъ одна основная мысль о двухъ началахъ, проникающихъ все сущее, и объ огромномъ преимуществѣ одного изъ нихъ—начала Вѣчности или Бога. Изъ этой идеи Скворода выводитъ и свою теорію воспитанія; отсюда же вытекаютъ его взгляды на такія явленія, какъ религіозный бытъ современнаго ему общества, монашество и т. п. Вездѣ и всегда онъ проповѣдывалъ превосходство Духа надъ матеріей, вѣчнаго надъ тлѣннымъ. Въ этомъ весь смыслъ его ученія, въ этомъ и его

историческая заслуга. Такой выводъ мы дѣлаемъ, основываясь на совокупности всѣхъ его *учено-литературныхъ трудовъ*, и это, конечно, является достаточною гарантією, что мы вѣрно поняли и представили его міросозерцаніе.

Д. И. Багалъй.

(Продолженіе слѣдуетъ).